

Глава 13. Ненависть

В этот раз Слепец не появлялся семь дней. Дин Су уже начал гадать, не решил ли тот попросту уморить его голодом. В конце концов до него дошло: это была кара. Тюремщик не желал его смерти, но и ни капли её не боялся.

После того как Дин Су едва не сбежал, пожертвовав рукой, Слепец стал в разы осторожнее. Теперь он оставлял поднос с едой так далеко от решётки, что узнику приходилось вытягиваться в струну, едва не вывихивая плечо, чтобы дотянуться до миски. На любые попытки заговорить старик отвечал гробовым молчанием — поставив еду, он тут же уходил прочь. Сначала Дин Су терзался страхом, затем яростью, но шло время, и он... привык. Холодное спокойствие вытеснило бурю. Он осознал, что может провести здесь остаток дней, но его натура не позволяла сдаться или опустить руки.

Раньше, в поместье Духовного Пламени, он был лишь слугой. И хотя Лю Юй позволял ему читать любые книги по боевым искусствам из библиотеки, Дин Су приходилось скрываться. Он тренировался по ночам, урывая часы у сна, чтобы не привлекать лишнего внимания. Теперь же времени у него было в избытке. Почему бы не воскресить в памяти всё прочитанное и не заполнить тягучие часы в этой тесной клетке тренировками?

При мысли о Лю Юе сердце Дин Су кольнула мимолётная, острая боль.

«Его раны от плети, должно быть, уже затянулись. Наверное, он мечется, пытаюсь меня найти?..» — подумал он, но тут же вспомнил ледяной, безразличный взгляд Лю Чантяня у края зловонного болота. В том взоре читалось: жизнь слуги не стоит и ломаного гроша. Дин Су заставил себя оборвать эту нить раздумий.

Сказано — сделано. Обладая превосходной памятью, он скрупулёзно восстанавливал в уме тексты трактатов, распределяя их по важности: от основ развития внутренней силы до внешних техник. Он составил чёткий план — что изучать в первую очередь, а что оставить на потом. Забытые были детали он выцарапывал на камнях стен, чтобы не растерять их снова. Днём он тренировался, ночью спал. Так, незаметно для мира, пролетело четыре года.

Любой другой за это время либо лишился бы рассудка, либо превратился в бездумную тень, но Дин Су жил по строгому распорядку. Подъём в пятую стражу, упражнения, медитация, закалка духа и управление энергией ци. За исключением тех минут, когда Слепец приносил еду, он неустанно оттачивал движения, не зная отдыха до самой полуночи. Неважно — летний зной стоял или зимняя стужа, он не прекращал занятий. На стене темницы он ставил зарубки: одна черта — один прожитый день. Тогда он не верил, что когда-нибудь выйдет на свет, но и не позволял надежде угаснуть окончательно.

В тот день небо расколосось от грома, и на землю обрушился яростный ливень. Сквозь крохотное оконце в камеру полетели ледяные брызги. Дин Су как раз отработывал технику «Голые руки, пустые кулаки», сокровище, которое предки поместья Духовного Пламени когда-то добыли в странствиях по миру. Название звучало просто, но за ним скрывались тысячи

смертоносных вариаций. Лю Юй, найдя этот свиток в книгохранилище, тайно передал его ему. Для слуги, которому не полагалось носить меч или скрытое оружие, искусство рукопашного боя было идеальным выбором.

Дин Су тренировался уже два часа. Он подставил лицо под струи дождя. Несмотря на летнюю пору, вода была студёной; она вымывала из темницы удушливую вонь и липкий жар. В памяти невольно всплыл тот день в теснине Ревущего Ветра. Те пятнадцать товарищей наверняка погибли под ударом «Звёздного крушения». Дин Су горько усмехнулся: он выжил, но гнил в этой яме, и неизвестно, что было хуже.

Внезапно раздался тонкий писк. На клочке неба, видневшемся в оконце, кто-то затрепетал — на решётку опустилась маленькая жёлтая птица. Дин Су одним мощным толчком прыгнул вверх, вцепившись руками в железные прутья. Птица в испуге забила крыльями, но не могла взлететь, лишь беспомощно крутилась на месте. Совсем ещё птенец, не успевший сбросить пух, она отяжелела от воды, и намокшие перья лишили её сил.

«Я и так нахлебался горя, так хоть сотворю доброе дело, пусть эта кроха живёт на воле», — подумал Дин Су.

Он хотел поймать её, чтобы обсушить, а затем выпустить, но птенец, не понимая добрых намерений, забился ещё сильнее, оступился и сорвался с карниза вниз, в грязь.

Дин Су посмотрел вниз: птица лежала на земле, тельце её сотрясала дрожь под безжалостными струями ливня. Ещё минута — и она погибнет. Невольно он сжал кулаки, вцепившись в решётку, и вдруг почувствовал, что прутья... поддались. Он ошеломлённо посмотрел на них. Железо разошлось в стороны на добрых полдюйма!

Он затаил дыхание, направил внутреннюю силу в точки цюй-чи, вай-гуань и ян-си, и рванул снова. Решётка со стоном выгнулась дугой, образуя проём, в который вполне могла пролезть голова взрослого мужчины.

Дин Су захлестнула неистовая радость, но следом пришла злость на самого себя. Окно было не больше собачьего лаза, и если бы он приложил усилия раньше, то, возможно, смог бы протиснуться наружу. Неужели он зря гнил здесь четыре года?! Впрочем, в эйфории он не сразу осознал: не просиди он эти годы за тренировками, не отточил он внутреннюю мощь до предела, ему никогда бы не хватило сил даже поцарапать этот металл.

подавив бурю чувств, он вложил всю энергию в ладони и начал медленно раздвигать прутья, пока те, толщиной с палец, не хрустнули и не сломались, словно сухие ветки.

Не тратя времени на удивление собственной силе, он просунул руки в окно и подтянулся. Кожа сдиралась о грубый камень, раны кровоточили, но он, игнорируя боль, втянул живот, напряг мышцы и последним мощным толчком вырвался из своего каменного гроба. Высота была больше трёх метров; Дин Су сгруппировался, перекатился по земле, гася инерцию, и вскочил на ноги.

Птенец, увидев своего «преследователя», задрожал всем телом. Дин Су осторожно подобрал его, огляделся и взмыл на раскидистое дерево. Он устроил птицу на толстой ветке, соорудив из листьев подобие навеса от дождя. Птенец, словно почуяв тепло и защиту, издал благодарный писк и затих, согреваясь.

Дин Су спрыгнул на землю. Под ногами была твердь, над головой — не квадратный лоскут, а бескрайний купол неба, затянутый серебристой пеленой дождя. Он закрыл глаза, широко раскинул руки и замер, позволяя ливню вымывать из пор четырехлетнюю тюремную пыль.

В час Петуха, как и всегда, пришёл Слепец. Горбясь, он отмерил шагами привычное расстояние, поставил поднос и уже собрался уходить, но что-то заставило его замереть.

В камере было слишком тихо. Не слышно было даже дыхания. Слепец долго прислушивался, напрягая слух, но тишину нарушал лишь шум дождя. Впрочем, любопытство не пересилило осторожность: жив узник или мертв — Слепцу было безразлично. Он не собирался рисковать, приближаясь к решётке. Старик просто выполнял свою работу.

Тюремщик вышел из подземелья, нащупал стену и поднялся по ступеням в свою лачугу, построенную прямо над темницей.

Он привычно нащупал чайник, налил воды в чашку, но, поднеся её к губам, застыл. Чутьё наконец подало сигнал тревоги. Старик повернул своё уродливое лицо к двери, ловя звуки.

Дин Су не скрывался. Он шёл открыто. Услышав шаги, Слепец мгновенно выронил чашку и встал в боевую стойку. Узник не произнёс ни слова — он просто вскинул руку, нанося сокрушительный удар ребром ладони в шею противника.

В этом ударе не было изящества или тактики. Только чистая, концентрированная ненависть, копившаяся четыре долгих года. Слепец, ориентируясь на слух, выхватил кинжал и вскинул его над головой, пытаясь заблокировать атаку сталью. Но Дин Су не замедлился. В миг столкновения он, словно живая змея, скользнул ладонью мимо лезвия и пальцами, как клещами, зажал кинжал. Слепец дёрнул оружие на себя, но то застряло, словно вросло в гранитную скалу.

Они замерли, мерясь внутренней силой. Энергия, передаваемая через металл кинжала, заставила сталь гудеть. Дин Су одной рукой удерживал оружие, а второй нанёс сокрушительный удар. «Гнев Грома», вторая форма техники «Голые руки, пустые кулаки», обрушилась на живот Слепца с мощью тарана. Тот ощутил, как волна воздуха впечатывается в его плоть, и в отчаянии разжал пальцы, отскакивая назад. Но атака была неотвратимой. Дин Су настиг его мгновенно. Кости пальцев Слепца хрустнули под тяжелым кулаком, а второй рукой Дин Су, перехватив на лету кинжал, вогнал лезвие глубоко в живот врага.

Из горла Слепца вырвалось бульканье — не то стон, не то мольба, не то предсмертный хрип. Кровь мгновенно пропитала его грубую одежду. Он покачнулся, замер на мгновение и рухнул лицом в грязь.

Рана не была смертельной, и Слепец ещё судорожно пытался ползти, но Дин Су с ледяным лицом опустился рядом. Он неторопливо засучил рукава и начал методично, удар за ударом, вколачивать свои кулаки в лицо и тело старика. Каждый выпад техники «Голые руки, пустые кулаки» дробил кости, превращая мышцы в кашу. Спустя несколько минут тело Слепца напоминало мешок с песком — внутри не осталось ни единой целой косточки.

Тюремщик давно испустил дух, превратившись в кровавое месиво, но Дин Су, ослеплённый яростью, продолжал бить. Только когда силы начали оставлять его, он пришёл в себя. Голова кружилась от выплеска многолетнего гнета. Он поднялся и напоследок с силой пнул бесформенный труп.

Он долго стоял неподвижно, пока буря внутри не утихла. Вспомнив о чём-то, он наклонился и разорвал одежду на трупе. Из складок выпал маленький флакон сине-белого фарфора. Так и есть — «Плывущий аромат»! Дин Су перевернул флакон и увидел на дне шесть изящных знаков: «Море Звезд и Луны, Северные земли».

Жилище Слепца было нищенским. Дин Су обыскал каждый угол, но не нашёл больше ничего. Он надеялся, что старик оставил хоть какую-то зацепку, письмо или знак, указывающий на заказчика его заточения. Пусто.

Дождь стих, ветер улегся, и на мир опустилась густая ночь. Дин Су помнил, как четыре года назад Слепец тащил его сюда на плече. По его расчётам, до поместья Духовного Пламени было около шестидесяти ли.

Он двинулся в путь сквозь заросли и скалы. Вокруг не было ни души, лишь стрекотали насекомые да шуршало зверьё. По пути он поймал двух диких кур, оципал, выпотрошил и развёл костёр. За четыре года постная тюремная баланда превратила его жизнь в пытку; запах жареного мяса заставил рот наполниться слюной. Не дождавшись, пока птица прожарится до конца, он впился зубами в сочное мясо, жадно поглощая его, пока кости не опустели. Только тогда он почувствовал подобие сытости.

Перед уходом он отмылся в ближайшей луже, но вид его всё равно оставался пугающим: лохмотья вместо одежды, босые ноги, заросшее лицо, перепачканное жиром после трапезы.

Он взобрался на дерево и улегся на ветвях, подложив руки под голову и глядя на полную луну. Эти четыре года не прошли даром: он не только отомстил, но и возвысился в своём мастерстве. Однако вопрос оставался открытым: кто и за что запер его здесь? Игра только начиналась.

Дин Су тяжело вздохнул. В камере всё было просто — знай себе тренируйся. Теперь же его внутренности жгло огнём, и он жаждал лишь одного: вцепиться в глотку тому, кто стоял за всем этим. Мысли роились в голове, мешая уснуть. И только когда небо на востоке начало светлеть, сон сморил его. Но последней мыслью, промелькнувшей в сознании, была горькая ирония:

«Этот старик... чёрт... это ведь было моё первое убийство»

<http://bllate.org/book/17461/1694314>